
НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ

А. Е. ГРИНИН

ТВОРЧЕСТВО О. ШПЕНГЛЕРА И РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ

Столетней юбилей книги «Закат Европы» (1918–1922 гг.) дает повод с позиции современности оценить творчество выдающегося немецкого философа и мыслителя О. Шпенглера и его главный труд, принесший автору мировую славу. Без сомнения, и в новом столетии Шпенглер будет почитаем, хотя в сегодняшней Германии его почти не издают: он считается врагом либеральной демократии. Нет пророка в своем отечестве! А Шпенглер во многом оказался пророком. Эпохальные события начала XX века – Первая мировая война, революции в России и Германии, противостояние марксизма, социализма и либерализма – нашли глубокое осмысление в трудах Шпенглера и одновременно связали его творчество с российской историей. Именно этому аспекту и посвящена статья.

Ключевые слова: Освальд Шпенглер, Первая мировая война, Пруссия, революция, марксизм, социализм, либерализм.

НАЗВАНИЕ ЭПОХАЛЬНОГО ТРУДА О. ШПЕНГЛЕРА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ

В апреле 2018 г. исполнилось сто лет с момента выхода первой части¹ главного труда выдающегося немецкого мыслителя и философа О. Шпенглера «Der Untergang des Abendlandes» (в русском переводе – «Закат Европы»), принесшего ему мировую славу. «Неугасающий интерес ученых (отечественных и зарубежных) к наследию Шпенглера является убедительным доказательством того, что влияние его на развитие культурфилософской мысли XX–XXI вв. – неоспоримо» (Степанова 2015: 20). Столетний юбилей – повод

¹ Второй том исследования вышел в 1922 г.

подвести некоторые итоги. Главный из них, пожалуй, в том, что О. Шпенглеру и в новом столетии готовят лавровый венок. «Интерес к Шпенглеру был практически неиссякаем на протяжении всего века. Его книга была востребована Европой... Ее присутствие не только в европейской, но и мировой культуре ощущалось, наполнялось смыслами и, вопреки всему, обретало качества знакового явления» (Степанова 2015: 8).

Название труда Шпенглера, как в немецком языке, так и в русском, стало крылатым выражением. В немецкоязычной литературе «*Der Untergang des Abendlandes*» – одно из самых используемых словосочетаний (см.: Gottfried 2013). В нем, кстати, слова «Европа» нет: используется обобщенное понятие «*Abendlandes*», то есть Запад, буквально «западные земли». Запад не в абстрактном географическом смысле, как сторона света, а в геополитическом, как историческая Европа, ее западная часть – Испания, Португалия, Франция, Италия, Германия, Англия. Иными словами, христианская Европа (*das Christliche Abendland*) (см., например: Meyers... 1888: 3). В начале XX в. именно Западная Европа была центром мира, поэтому Северная Америка не рассматривалась Шпенглером как часть *Abendland*.

Первое значение немецкого слова «*Untergang*» – закат светила в астрономическом смысле, второе – разрушение, исчезновение, но не мгновенное, как при катастрофе, а медленное, малозаметное, но абсолютно неизбежное. Поэтому русское слово «закат», также имеющее двойное значение, точно передает главную мысль Шпенглера.

АВТОР «ЗАКАТА...» И ЕГО ЭПОХА

Освальд Шпенглер (1880–1936) был глубоко и разносторонне образованным человеком, и при этом неверующим (не воинственным атеистом, как К. Маркс, а просто неверующим), что наложило неизгладимый отпечаток на его творчество. К христианству он относился как ученый, не делая видимых различий между мировыми религиями прошлого или настоящего. В университетах Галле, Мюнхена, Берлина Шпенглер изучал математику, естественнонаучные дисциплины, философию. В 1904 г. в Университете Галле (*Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg, MLU*) защитил доктор-

скую диссертацию по философии, но в силу проблем со здоровьем (он был освобожден от воинской повинности и не принимал участия в Первой мировой войне) и особенностей характера его научная карьера не задалась. Работа преподавателем математики в гамбургской гимназии также не стала призванием. Получив в 1911 г. после смерти матери небольшое наследство, Шпенглер посвятил все свое время главному труду жизни. Отметим, что до выхода первого тома «Заката Европы» для мира науки и литературы он был «никому не известный учитель гимназии», что потом «породило множество кривотолков и мифов» (Степанова 2015: 7).

К началу XX в. Германская империя являлась одним из самых процветающих и благополучных государств мира. Население постоянно и динамично росло (в отличие от Англии и особенно Франции), города как средоточие промышленности и образования быстро расширялись и благоустраивались с небывалым размахом. Германия по многим экономическим показателям уверенно занимала первые строчки в мировой таблице о рангах. Она была также бесспорным лидером в области образования (особенно университетского), фундаментальных и прикладных наук. Именно на рубеже XIX–XX вв. в Германии, к примеру, было открыто рентгеновское излучение и создан дизельный двигатель, изменивший военное и гражданское производство в XX в. Немецкий язык был языком физики, химии, математики. Если бы не Первая мировая война, Германии, видимо, было бы суждено стать экономическим и научным центром Европы (по меньшей мере подобным Германии сегодняшней). В первом томе исследования О. Шпенглера отчетливо запечатлено это величие «германского гения».

Как всякое экстраординарное явление, творчество Шпенглера воспринимается противоречиво: от обожествления до полного отрицания. Не вступая в полемику, постараемся ответить на вопрос, чем может заинтересовать наследие немецкого философа сегодняшнего российского читателя. Думается, в первую очередь соприкосновением с российской историей. Первая мировая война, революции, а также *принципиальный спор о сути марксизма и социализма* связали Россию и Германию крепче, чем думали об этом сам Освальд Шпенглер и его современники.

ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО МЕТОДА О. ШПЕНГЛЕРА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НАУКИ

1. О. Шпенглер и историческое познание

Популярность «Заката Европы» была огромной, тиражи книги – невероятными для Германии. Но круг читателей и поклонников не стал безграничным. В наибольшей степени «Закат Европы» оценили писатели, поэты, художники, философы. Среди собственно историков последователей не нашлось. Это не было случайностью или недооценкой. Историю и до Шпенглера трудно было назвать наукой в том смысле, какой предлагал И. Кант: «...я утверждаю, что в любом частном учении о природе можно найти науки в собственном смысле лишь столько, сколько имеется в ней математики» (Кант 1966: 57). В «Закате Европы» маловато кантовской «математики». Шпенглер комментирует это суждение Канта², делая упор на его культурной обусловленности: «...всякий эксперимент, всякий метод, всякое наблюдение вырастают из общего созерцания, не вмещающегося в рамки только математики. Всякий научный опыт, каким бы он ни был, является ко всему прочему еще и свидетельством *способов* символического представления. Все словесно зафиксированные законы суть живые, одушевленные распорядки, исполненные самого сокровенного содержания какой-то одной, и притом только этой одной, культуры» (Шпенглер 1993: 569).

Сравнение «Заката Европы» Шпенглера с творчеством российского публициста и писателя Н. Я. Данилевского, первым по времени (в 1869 г.) сформулировавшего понятие «культурно-исторические типы» или «цивилизации» (Данилевский 2011: 69–138 и далее), правомерно лишь формально. Историко-философским методом сделал такой подход О. Шпенглер. «В этой книге будет сделана попытка определить историческое будущее» (Шпенглер 1993: 128; в оригинале: «In diesem Buche wird zum erstenmal der Versuch gewagt, Geschichte vorauszubestimmen»), – с таких слов начинается введение. И с них же возникают вопросы к автору: что надо пони-

² В переводе работы Шпенглера эта цитата приводится несколько иначе: «Я утверждаю, что в каждой отдельной естественно-исторической дисциплине имеется как раз столько научного элемента, сколько в ней встречается математики» (Шпенглер 1993: 569).

мать под «будущим», какой смысл в этом случае вкладывается в понятие «исторический»? Субъективное в подходе Шпенглера преобладает над объективным. И автора это факт не слишком беспокоит: «Покуда мы созерцательно пребываем в мире судьбы и случая, может показаться случайным, что на маленькой нашей планете... разыгрывается во время оно эпизод “всемирной истории”; что люди, это причудливое зверовидное образование на коре названной планеты, демонстрируют... комедию “познания”, ...что противоположным полюсом этого познания оказываются как раз естественные законы (“вечные и общеобязательные”), вызывающие в представлении картину “природы”, о которой каждый в отдельности думает, что она одинакова для всех» (Шпенглер 1993: 301).

В принципе, задача историка – сбор и систематизация максимально достоверных, объективных фактов. Выводы – это дело других людей или последующих поколений. В «Закате Европы» все по-другому: субъективные выводы автора задают вектор подбора фактов, собранных прочими исследователями. История оказывается не механической цепью событий, а неким организмом; поэтому необходим именно морфологический метод, сосредоточенный на изучении формы, строения, структуры этого организма. Подзаголовок «Заката Европы» – «Очерки морфологии истории» – настаивает на таком подходе.

Одними из главных вопросов любой науки являются общепринятая терминология и критерии истинности. Их не существовало во времена О. Шпенглера. Общепринятых законов истории, ее периодизации, терминологии не существует и в наши дни. Именно это открывает дорогу субъективизму, фальсификациям, делает историю легкой добычей пропаганды, идеологии или переносит ее, как в труде Шпенглера, в область художественного вымысла. Отказ немецкого ученого от линейного описания истории, единого, хронологически последовательного процесса развития человечества, в пользу циклического, делящего всеобщую историю на некоторое количество самостоятельных цивилизаций с собственной самобытной культурой, вряд ли даровал истории статус подлинной науки или освободил ее от непреодолимых недостатков. Скорее, перевел из области фактов, дат, документов, то есть элементов некоей объективности, в сферу субъективного, литературно-художественного или

философского конструирования. Если историки до сих пор затрудняются выработать единое определение государства, то сделать научными терминами понятия «дух», «душа» или как-то математически точно рассчитать длительность культурно-цивилизационных фаз – зарождения, расцвета, увядания – вообще не представляется возможным. Это разочарование фиксируется сегодня примерно так: «Когда Шпенглер умер, интерес к циклическим теориям истории угас... В конце концов, объявленный им “закат” до сих пор не наступил» (Betz 2012).

Попробуем понять, насколько точно сумел немецкий мыслитель, руководствуясь своим методом, определить природу и значение важнейших эпизодов всемирной истории, а именно Первой мировой войны (1914–1918 гг.) и последующих за ней событий в Германии и России.

2. Был ли О. Шпенглер пророком?

«Шпенглер сам считал себя пророком, который пишет для грядущих поколений» (*Ibid.*). Он «был не только философом, ученым-культурологом и поэтом-романтиком, но и провидцем» (Горелов, Горелова 2016: 29). Насколько это справедливо? «Во времена кризисов, когда нормальное положение вещей перестает существовать как целое, прогнозы-катастрофы падают на благодатную почву» (Betz 2012). Преимущество сегодняшних исследователей – прошедшее столетие. Сегодня гораздо легче понять и отметить то, в чем Шпенглер оказался прав.

Первый том «Заката Европы» вышел в апреле 1918 г. Позиция автора в нем сродни «оку Бога»: он как бы вручает человечеству новый взгляд на историю. Позиция Бога в определенном смысле нейтральна. Поэтому военный пожар на континенте в начале XX в. виделся Шпенглеру частью западноевропейской «цивилизационной культуры», которая, с войной или без нее, все равно по высшим законам должна исчезнуть. Одновременно автор был убежден: мировая война завершится для Германии триумфом. После Брестского мира в марте 1918 г. для этого были основания. «Отождествление Шпенглером *Imperium Romanum* и *Imperium Germanicum* в первой части “Заката Европы”, завершённой еще в 1917 г., доказывает... что он был уверен: Германия выйдет из мировой войны победителем» (*Ibid.*).

А всего через полгода Германия капитулировала, оказавшись к тому же во власти беспощадной революционной стихии, очень похожей на Февральскую революцию в России. В этом случае трудно говорить о даре провидца. «Записка» П. Н. Дурново, в которой еще до начала Первой мировой войны (февраль 1914 г.) были предсказаны фатальные последствия именно военного столкновения Германии и России, больше похожа на пророчество (Дурново 1922). Китайскую цивилизацию, кстати, О. Шпенглер также относил к отжившей свой век. Формально события начала XX в. в Китае трудно было истолковать иначе: исчезновение империи, революции, гражданские войны, распад государства на полуфеодалные вотчины, зависимость военных правителей от великих держав. Однако к началу XXI в. и столетнему юбилею труда Шпенглера китайское государство (цивилизация), пройдя немислимо трудный путь возрождения, заняло вторую строчку в мировой таблице о рангах в области экономики, торговли, образования и готовится потеснить с первого места сегодняшнего лидера – США.

Особенность экстраординарного интеллекта О. Шпенглера проявилась, по нашему мнению, не в *пророческом* даре, понимаемом, кстати, большинством как способность предугадать будущее. Проникновение в день завтрашний и послезавтрашний Шпенглеру было не нужно, поскольку для него вопрос «смертности» цивилизаций (европейской в том числе) не подлежал пересмотру. С другой стороны, автору «Заката Европы» удалось постигнуть природу и глубинную суть событий, предшествовавших Первой мировой войне и последующих за ней. Шпенглер, например, утверждал, что у радикального марксизма российского образца в Германии, даже раздавленной поражением, нет будущего. Он заявил об этом в первые дни ноябрьского переворота. И оказался прав.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ О. ШПЕНГЛЕРА

1. Книга и реальность

Уже Второй марокканский кризис лета 1911 г. Шпенглер воспринял очень остро, как унижение Германии и слабость ее внешней политики. Патриот всегда боролся в нем с философом. Политический кризис он представил впоследствии как повод для начала работы

над «Очерками по морфологии мировой истории» (см.: Farrenkopf 1994: 45). То есть последние предвоенные годы и сам август 1914 г. оказались для него неким Рубиконом. Однако жанр историко-философского исследования требовал беспристрастности, равноудаленного «ока Бога». Первый том (1918 г.) в целом демонстрирует именно этот подход. Первая мировая война, предопределившая судьбу Европы и всего мира, рассматривается первоначально как часть цивилизационного цикла, своими очертаниями напоминая войны Рима и Карфагена. Этому требовала концепция «истории цивилизаций», «смертных» – с войной или без нее – по определению. При этом, несомненно, патриот Шпенглер верил, что германский дух и прусская государственность выстоят в чудовищной схватке.

Можно представить, что пережил Шпенглер в ноябре 1918 г., оказавшись, как и вся Германия после капитуляции, в водовороте революции. «Поражение в Мировой войне он не принял. Уже в декабре 1918 г. он писал в одном письме, что мир может быть лишь временным: Мировая война вступает уже сейчас в свою вторую стадию» (Mommsen 1998: 120). Патриот и пророк оказался не прав. Однако мыслитель и философ остался на высоте, сумев не только объяснить внешние противоречия событий 1914–1918 гг., раскрыть их внутренний, непонятный многим современникам смысл, но и предсказать будущее – Вторую мировую войну. Капитуляция Германии, Ноябрьская революция 1918 г. и Версальский мир явились прологом к новой, трагической, по мнению Шпенглера, фазе в истории Германии и всей Западной Европы. В этих событиях он увидел конкретных предвестников будущего исчезновения европейской цивилизации, о чем заявил во втором томе «Заката Европы» (Шпенглер 1998) и в книге 1920 г. «Прусская государственность и социализм» (Spengler 1920). Последняя, по его словам, выросла из наброска, сделанного ко второму тому «Заката...» (*Ibid.*: 3), поэтому и по времени, и по внутренней логике ее можно считать частью главного труда Шпенглера. В этой книге философ спускается на землю, в поверженную в прах Германию.

2. «Закат Европы» и геополитика

О. Шпенглер не формулирует законов геополитики, возможно, видит в них частный случай «цикла» как наиболее общего, по его

мнению, закона всемирно-исторических событий, но в своем анализе следует в русле геополитики. «Однако именно поэтому естественное, расовое отношение между ними (народами. – *А. Г.*) – это война. Вот факт, который не может быть изменен никакими истинами. Война – первополитика всего живого, причем до такой степени, что борьба и жизнь – в глубине одно и то же, и с желанием бороться угасает также и бытие» (Шпенглер 1998: 466). Тем самым Шпенглер дезавуирует программное утверждение своего идеологического противника К. Маркса о классовой борьбе как путеводной нити истории: «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов» (Маркс, Энгельс 1955: 423).

В книге «Прусская государственность и социализм» Шпенглер доказывает, что Первая мировая война оказалась результатом соперничества Англии и Германии, а само соперничество – следствие непримиримого конфликта принципов прусской и англосаксонской государственности и особенностей исторического развития двух народов. Принципы прусской государственности, нашедшие свое воплощение в XVIII–XIX вв., возвысили объединенную Германию на рубеже XIX–XX вв. Ее экономическая и военная мощь оказались вызовом Британской империи. Именно это стало первопричиной всеевропейского конфликта, а не миф о битве «добра и зла». «Во всякой войне между жизненными силами все сводится к вопросу о том, кто будет править целым» (Шпенглер 1998: 467).

Англия являлась, по мысли Шпенглера, не просто военным соперником, а врагом немецкого государственного устройства («*englischer Staatsgegner*») (Spengler 1920: 9). Анализ причин Первой мировой войны и ее последствий в книге «Прусская государственность и социализм» и во втором томе «Заката Европы» возвышает Шпенглера как философа и мыслителя и над немецкими марксистами и либералами, и над российскими, в том числе сегодняшними. Он, например, указывает на всеобъемлющее значение фактора прессы как главного инструмента военной политики всего XX в. (да и, добавим, XXI). «При подготовке к мировой войне пресса целых государств была финансово подчинена руководству Лондона и Парижа, а вместе с ней в жесткое духовное порабощение попали соответствующие народы» (Шпенглер 1998: 492).

Первая мировая война, по вердикту победителей – Британии и Франции, – явилась столкновением реакционно-милитаристских

наследственных монархий Германской и Австро-Венгерской империй (всемирного зла) с парламентским народовластием и свободой в лице самих Британии и Франции, то есть с прогрессом и будущим человечества. «Союзные и Объединившиеся Правительства заявляют, а Германия признает, что Германия и ее союзники ответственны за причинение всех потерь и всех убытков, понесенных Союзными и Объединившимися Правительствами и их гражданами вследствие войны, которая была им навязана нападением Германии и ее союзников» (Мирный... 1919)³. Версальский договор не только стал «ужасным инструментом порабощения побежденных, которого мир еще не видел» (Bethmann-Hollweg 1989: 45), но и обнаружил систематизированное стремление Лондона навязать Европе и остальному миру свое видение трагедии. Сам Шпенглер не нуждался в вердикте по поводу определения добра и зла в истории Европы. Ему принадлежит поразительное по точности предвидение того, как в XX в. англосаксонская историография будет манипулировать историческими фактами. «Самым разительным примером окажется для будущих поколений вопрос о “вине” за мировую войну, т. е. вопрос о том, кто посредством господства над прессой и телеграфными кабелями всей Земли обладает властью устанавливать в общемировом мнении те истины, которые ему нужны в собственных политических целях...» (Шпенглер 1998: 491).

О. ШПЕНГЛЕР И ИСТОРИЯ РОССИИ

1. Россия в зеркале «Заката Европы»

Второй том «Заката Европы» был опубликован в 1922 г. Навязанные силой Веймарская республика и парламентская демократия отвергаются О. Шпенглером: «Нам нужно освобождение от форм англо-французской демократии. У нас есть своя»⁴. В этой части его книга прочно связана с Февральской революцией: катастрофа тогда

³ «Die alliierten und assoziierten Regierungen erklären, und Deutschland erkennt an, daß Deutschland und seine Verbündeten als Urheber für alle Verluste und Schäden verantwortlich sind, die die alliierten und assoziierten Regierungen und ihre Staatsangehörigen infolge des ihnen durch den Angriff Deutschlands und seiner Verbündeten aufgewungenen Krieges erlitten haben» (Friedensvertrag... 1919).

⁴ «Aber wir brauchen die Befreiung von den Formen der englisch-französischen Demokratie. Wir haben eine eigene» (Spengler 1920: 98).

началась с разрушения государства. На его развалинах возводили вавилонскую башню англо-французского парламентаризма. Торжество радикального марксизма в октябре 1917 г. соединяет Шпенглера опять же и в первую очередь с российской историей. Немецкий мыслитель, несмотря на формальную победу марксизма, был убежден в его исторической несостоятельности.

Слабость исследователя, однако, в поверхностном знакомстве с историей России. Его выводы произвольны, не подкреплены ни фактами, ни ссылками на русских ученых. Это недостаток многих глав «Заката Европы». По причине сверхгигантского объема фактов, свидетельств, документов человеческий ум не в силах вместить в себя и объективно проанализировать полуторатысячелетнюю историю западноевропейских народов, не говоря уже об истории других цивилизаций. «В царской России не было никакой буржуазии, вообще никаких сословий в подлинном смысле слова, но лишь крестьяне и “господа”, как во Франкском государстве» (Шпенглер 1998: 199), – пишет он, к примеру, о стране, в которой одно сословие общинного крестьянства, числом более ста миллионов, было выделено законодательно (см.: Об отмене... 1906).

Когда О. Шпенглер заявляет, что только «мы, немцы, являемся социалистами» и «никто другой не может ими быть» (Spengler 1920: 4), – это как раз означает, что он не понял природы большевизма, который стал воплощением не марксизма, а общинного социализма, уже минимум 200 лет существовавшего в Российской империи. Совокупная численность крестьянских общин, образцово исследованных соотечественником Шпенглера бароном А. Гакстаузенем еще в середине XIX в. (Naxthausen 1852), к началу XX в. превзошла население Германии и Франции, вместе взятых. Фундаментальная особенность общинно-крестьянского социализма заключалась в том, что он не был плодом разума и просвещения, как «Законы» Монтескье, государственным установлением, как «Табель о рангах» Петра Великого, или результатом «научного» исследования, как «Капитал» К. Маркса. Этот социализм рождался в самых глубинах народа и произрастал из его толщи, воспроизводя свои главные принципы в каждом новом поколении и в начале XVIII в., когда община насчитывала 10 миллионов душ, и в начале XX в., когда ее население достигло 120 млн человек. Общинное

крестьянство стало главной победоносной силой в революции 1917–1921 гг. и опорой социализма в СССР, поскольку неприятие частной собственности, коллективный труд и коллективное владение землей (собственностью) столетиями были естественной нормой крестьянской жизни.

Таким образом, Первая мировая война, революции, либерализм, марксизм теоретический и практический, теория социализма – вот что объективно соединяет творчество О. Шпенглера с российской историей и помогает понять, что произошло в России в феврале 1917 г. или в СССР в августе 1991 г.

2. Судьба западного либерализма в России

Не поражение в войне (такое случалось и прежде), а именно навязанная извне революция стала, по убеждению Шпенглера, подлинной катастрофой. Немецкие либерал-революционеры под давлением победителей не просто переписали конституцию, заменив монархию республикой. Они практически полностью разрушили историческую государственность Германии, объявив ее антинародной и даже антигерманской, перечеркнув вековые традиции и объединительные заслуги прусской монархии. В Веймарской конституции 1919 г. демонстрируются отказ от имперской конституции 1871 г. (монархической) и возврат к революционному проекту 1848 г., который ставил во главу угла парламентское правление и раздел о правах человека.

«Я ненавижу грязную революцию 1918 года с первого ее дня, со дня предательства, совершенного меньшинством нашего народа над его большинством...» (Spengler 1933a: VII). Не укрылась от Шпенглера и роль в этом спектакле Лондона и Парижа. «Демократическое переустройство» «реакционной» кайзеровской монархии поразительно сходно с февральским, поскольку и в поверженной Германии, и в постфевральской России воля союзников-победителей была главной силой переустройства. «Вслед за революцией глупости последовали низость и подлость. И речь шла не о народе, не о массах, воспитанных социализмом; действие совершил сброд с подонками-интеллигентами во главе... Это был самый бессмысленный акт в немецкой истории» (*Idem* 1920: 9).

Характер и точность оценок О. Шпенглера подтверждают выводы наиболее проницательных российских современников Февральской революции: «Русская революция оказалась национальным банкротством и мировым позором – таков непререкаемый морально-политический итог пережитых нами с февраля 1917 года событий» (Струве 1918). Заключение П. Б. Струве ценно тем, что опубликовано в августе 1918 г., то есть в начальный период Гражданской войны в России. Как и Шпенглер, Струве оперирует понятием «катастрофа».

Полным антиподом автору «Заката Европы» и П. Б. Струве видится россиянин, вождь и теоретик думского либерализма П. Н. Милюков. Это фигура собирательная. «Заложник войны и революции», Милюков «был среди политических лидеров, участвовавших в демонстрации “священного единения” власти и общества во время созванной на один день, 26 июля 1914 г., чрезвычайной сессии Государственной думы» (Архипов 2013: 70), то есть благословил войну. По этой логике требовался «союз России с Францией, а затем и с Англией», который «лидер кадетов поддерживал однозначно – причем не в последнюю очередь благодаря характеру политической системы этих стран, которая делала их образцовыми воплощениями либеральных демократических принципов. В то же время Милюков был противником союза с Германией – она представлялась ему реакционной охранительницей устоев самодержавия, а ее негативное влияние еще более усиливалось за счет тесных династических связей с семьей российского императора» (Там же: 63).

Значение политика, а тем более его величие, определяется, естественно, не оценками его противников или сторонников. Люди могут ошибаться. Значение связано в первую очередь с особым даром политика предвидеть необходимость тех или иных действий в интересах большинства нации, государства и быть готовым за них сражаться. А главным судьей становится сама история, возводящая на пьедестал или предающая забвению. В этом смысле вождь либералов оказался слепым поводырем слепых. Союз с Англией (1907 г.) втянул Россию в мировую войну, которая завершилась непоправимой геополитической катастрофой, уничтожившей все достижения отечественного конституционализма. «Все светила нашей либеральной оппозиции и эсеровской партии, Милюковы,

Маклаковы, Керенские и др. с их Дарданелльским проектом и войной до конца оказываются жалкими пигмеями в умственном отношении, совершенно не понимавшими смысла мировой войны и не предугадавшими ее неизбежного исхода» (Павлович 1922).

Политическое невежество таких «ученых», как профессор Миллюков, и думских конституционалистов выразилось в поверхностном, подражательном подходе к европейской истории и полном игнорировании истории отечественной, что было абсолютно неприемлемо для Шпенглера. Миллюков утверждал, что парламентаризм, восторжествовав во Франции, победит и в России. Это закон. Утверждал, кстати, в отличие от многих сегодняшних либералов, не за деньги, просто в силу собственной ограниченности. С либерализмом, однако, в России случилось то же самое, что и с «классовой солидарностью пролетариата» в период Первой мировой войны. «Сколь непрочно укоренилась эта вымышленная реальность⁵ в сравнении с национальным инстинктом, показал август 1914 г., когда выдумка исчезла в один день под внезапным огненным напором естественных, а не книжных пристрастий» (Spengler 1920: 82).

Политики и военные, ответственные за февральский переворот, оказались людьми ограниченными, несамостоятельными или просто купленными Англией. «Ни великого человека, ни твердого слова, ни смелого поступка, – лишь ничтожество, отвращение, глупость» (*Ibid.*: 10–11). Напомним, германский революционный либерализм, закончившись в 1933 г. диктатурой, повторил с некоторой отсрочкой во времени судьбу февральского: Шпенглер и в этом оказался прав, заявляя, что вслед за «грязной революцией», «переворотом» грядет диктатура, которая сметет с политической сцены навязанные парламентарско-республиканские атрибуты (Spengler 1933a: 6).

3. Марксистская утопия

Революционный марксизм и диктатура пролетариата восторжествовали в России в октябре 1917 г. Однако попытки В. И. Ленина распространить их победное шествие на Германию после ноября 1918 г. потерпели неудачу. А радикальные экономические идеи

⁵ О. Шпенглер имеет в данном случае в виду учение К. Маркса о классовой солидарности пролетариата. – А. Г.

К. Маркса, которые под видом военного коммунизма пытались реализовать в России в 1918–1921 гг., завершились провалом. Прав оказался Шпенглер, а не Маркс. «Критик и разрушитель первого ранга, он (К. Маркс. – А. Г.) как создатель и творец оказался совершенно бессилён» (Spengler 1920: 76). Это было написано в 1920 г., а в марте 1921 г. политик-прагматик Ленин перешагнул через теоретика-ортодокса Ленина. Марксистская утопия (военный коммунизм) без собственности и рынка, без денег и свободной торговли, породившая гражданскую войну, экономический хаос, разорение, повальный голод, эпидемии, была заменена новой экономической политикой. При этом В. И. Ленин в 1922 г. отзывался о «хныкающем» по поводу упадка старой Европы О. Шпенглере однозначно высокомерно: «Как бы ни хныкали по этому поводу Шпенглеры и все способные восторгаться (или хотя бы заниматься) им образованные мещане, но этот упадок старой Европы означает лишь один из эпизодов в истории падения мировой буржуазии, обожравшейся империалистским грабежом и угнетением большинства населения земли» (Ленин 1970: 174). Значит, верил в мировую пролетарскую революцию. Между тем Шпенглер уже в работе «Воссоздание германского рейха» (1924 г.) прозорливо отметил, что со смертью Ленина идея мировой революции сошла на нет. И не только по причине ухода с политической сцены самого Ленина, но в не меньшей степени по экономическим причинам: идеалы военного коммунизма утратили привлекательность (Spengler 1933a: 294). В самом деле, в 1929 г. с началом индустриализации в СССР окончательно восторжествовало сталинское представление о построении социализма в отдельно взятой стране. «Размышления о революции практически полностью исчезли из сознания революционеров»⁶. Иными словами, даром предвидения в большей степени обладал все-таки Шпенглер, а не Маркс или Ленин.

К революционному марксизму в области экономики и государственного строительства ни в СССР, ни в РФ больше не возвращались. Но социализм как стержень социально-экономического устройства позволил Советскому Союзу добиться грандиозных успехов

⁶ «Der Gedanke einer Revolution war praktisch fast aus dem Denken der Revolutionäre verschwunden» (Spengler 1933b: 294).

в экономике, науке, образовании, оказаться победителем во Второй мировой войне и первопроходцем в освоении космоса. Социалистический базис сохранился в СССР до самого его распада. Многие его достижения унаследовала Российская Федерация. Поэтому социализм – возможно, главное звено между творчеством Шпенглера и российской историей.

4. К. Маркс и О. Шпенглер о социализме

«Каждый употребляет это понятие. Каждый подразумевает при этом нечто свое» (Spengler 1920: 3), – так парадоксально точно сформулировал Шпенглер трудность в определении социализма. Ученый ставил цель «освободить немецкий социализм от марксизма» (*Ibid.*). Социализм, в его понимании, существовал в Пруссии уже без малого 150 лет, и мог вообще функционировать только как неотъемлемый фундаментальный принцип государства при согласии большинства нации – правителей и управляемых. Представление К. Маркса о том, что социализм – это некое будущее человечества, дарованное революционной победой пролетариата в классовой борьбе с буржуазией, О. Шпенглер отвергал как примитивную выдумку. «Социализм, который все еще не осознан как суть прусской государственности, есть действительность самого высокого ранга. Маркс – это просто литература. Литература устаревает. Действительность торжествует или умирает» (*Ibid.*: 80).

Шпенглер понимал немецкий социализм как «инстинкт» и «обычное, ежедневное состояние» общества (*Ibid.*: 61). И ни в коем случае – как продукт борьбы одной части общества с другой. Социализм он считал принципом объединения общества. «Немецкий, точнее, прусский инстинкт заключался в следующем: власть принадлежит всему сообществу. Каждый в отдельности служит сообществу. Оно есть суверен. Король есть лишь первый слуга государства (как Фридрих Великий). Каждый имеет свое место. Сообщество и повелевает, и повинует. И этот принцип существует с XVIII столетия как авторитарный социализм, являясь антилиберальным и антидемократическим с точки зрения английского либерализма или французской демократии» (*Ibid.*: 63).

О. Шпенглер вслед за М. Лютером понимал труд человека как призвание, как внутренний долг индивида перед сообществом

(Господом). Поэтому марксистское толкование общественного труда в качестве товара и средства угнетения неимущих классов классом собственников было для него неприемлемым. «Если бы Маркс понимал значение труда в прусском смысле, как деятельность по собственному желанию, как служение во имя сообщества, для всех, а не для себя, как нечто благородное без оглядки на род деятельности, тогда его “Манифест” никогда не был бы написан» (Spengler 1920: 74).

Принципиально важно, что Шпенглер 100 лет назад, в момент, когда на территории соседней великой державы в гигантском масштабе разворачивался революционный эксперимент по лекалам марксизма, однозначно отверг эту возможность для Германии и доказал утопичность затеи в принципе. Революционный марксизм-социализм нигде в длительной перспективе не стал идеей объединения общества, не продемонстрировал успешную, устойчивую динамику экономического и политического развития. Напротив, всегда порождал раскол общества, затяжную кровавую гражданскую войну, экономический упадок. Еще более наивным выглядит утверждение К. Маркса о социализме как о некоей абсолютно новой, высшей формации развития человечества, которая, если восторжествовала, будет всеобщей в планетарном масштабе и неизменной до той поры, пока мирно не трансформируется в конечную и идеальную коммунистическую формацию.

В то же время принципы прусского социализма (противоположность революции, по Шпенглеру) «живы» до сих пор, в частности записаны в основной закон ФРГ. Государство там социально-рыночное. Бесплатное образование, включая высшее (обязательное бесплатное начальное образование было введено в Пруссии во второй половине XVIII в. при Фридрихе Великом), медицинское обслуживание, социальная помощь безработным, пенсионная система, влиятельные профсоюзы – эти чисто социалистические элементы отчасти существовали в Пруссии и объединенной Германии до Маркса и при Марксе, отчасти были реализованы во второй половине XX в. Но – по рецепту Шпенглера, а не Маркса.

5. Марксистско-либеральный тупик

Для сегодняшних россиян важно осознать, что ни западный либерализм в той форме, которую навязали России в 1917 г. или РФ

в 1991 г., ни марксизм времен военного коммунизма не могли стать и не стали формой государственного устройства и образом жизни нации в целом. Второй редакции военного коммунизма Россия избежала, а вот повторный приход доктринерского, навязанного Западом либерализма испытала в 1990-х гг. Он даровал хаос, экономическую разруху и миллионы преждевременных смертей.

Марксистско-либеральный тупик в гуманитарной области не преодолен в полной мере до сих пор. Марксизм как официальная научно-политическая догма в СССР, с одной стороны, и оплаченный западными деньгами доморощенный либерализм – с другой, долгое время образовывали некий замкнутый круг. История, политология, право, философия десятилетиями вплоть до наших дней блуждали в лабиринте, в котором не было места собственно российской истории, насчитывающей, между тем, до 1917 г. без малого 700–800 лет и содержащей достижения всемирно-исторического масштаба.

Заслуга О. Шпенглера в том, что он предсказал теоретическую и практическую несостоятельность ортодоксального марксизма, а в длительной перспективе – и либерализма англо-французского образца. И сейчас, через сто лет, его «Закат Европы» заставляет как минимум задуматься о том, что же в действительности лежит в основе исторического процесса.

6. Carthaginem esse delendam⁷

Марксисты в СССР утверждали, что причиной революционных событий в России в 1917–1921 гг. были именно всемирно-исторические законы марксизма. Но в таком случае законами марксизма надо было бы объяснить и гибель Советского Союза в 1991 г. А это вряд ли возможно. Ни частной собственности, ни буржуазии, ни классовой борьбы в позднем СССР не существовало. Между тем законы геополитики в общем виде дают исчерпывающее объяснение событиям и февраля 1917 г., и августа 1991 г. Государство, проигравшее *геополитическую* схватку, рискует исчезнуть из мировой политики как действующий субъект. При этом схватка – не обязательно война, какими были Первая и Вторая мировые войны. СССР разрушился

⁷ Карфаген должен быть разрушен (*лат.*).

в мирное время. Сегодняшнего читателя можно спросить: какие классы и за что борются по ту и другую сторону Атлантики? И что, собственно, порождает межгосударственный конфликт между РФ и США, который в видимой форме длится уже не одно десятилетие?

Ответ можно извлечь из высказывания современного английского православного священника (протоиерея) А. Филлипса. Оно интересно по существу и форме публикации – на интернет-портале, поскольку, как и предсказал О. Шпенглер сто лет назад, все ведущие средства массовой информации как важнейшие инструменты противостояния монополизированы сегодняшним мировым гегемоном – США (ср.: Шпенглер 1998: 492). Причину конфликта А. Филлипс видит в том, что «президент Путин и правительство Российской Федерации не согласны и не согласятся ни с западным (сегодня – американским) культурным, ни с западным политическим империализмом. Более того, Русская Православная Церковь, как и русский православный народ, думает так же». Поэтому они «должны быть атакованы и уничтожены в организованной кампании – так же, как это сделали западные державы с русским имперским правительством и Церковью в 1917 г.» (Phillips 2012).

Никто не может сейчас точно сказать, когда противостояние завершится. С другой стороны, нет тайны в том, что жребий проигравшего будет столь же трагичным, какими оказались Февраль 1917 г. для России или Ноябрь 1918 г. для Германии: исчезновение государства в его нынешнем виде. Это недвусмысленно провозглашали еще древние римляне: Карфаген должен быть разрушен. В этом смысле нелишне задуматься о том, кто в XXI в. играет роль Рима, а кто – Карфагена. Из истории Пунических войн известно, что Карфаген был морской торговой республикой, а Рим – континентальной по преимуществу сельскохозяйственной державой. Так что можно делать предварительные выводы.

Литература

Архипов, И. 2013. П. Н. Милюков: заложник войны и революции. *Звезда* 12: 60–96. URL: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=2202> (дата обращения: 02.08.2019).

Горелов, А. А., Горелова, Т. А. 2016. «Закат Европы» О. Шпенглера и возможность заката мира. *Знание. Понимание. Умение* 1: 29–43. DOI: <https://doi.org/10.17805/zpu.2016.1.2>.

Данилевский, Н. Я. 2011. *Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому*. М.: Ин-т русской цивилизации, Благословение. 816 с. URL: http://www.rusinst.ru/docs/books/N.Ya.Danilevskii-Rossiia.i.Evropa_2.pdf (дата обращения: 02.08.2019).

Дурново, П. Н. 1922. Записка П. Н. Дурново Николаю П. Февраль 1914. *Красная новь* 6(10): 182–199. URL: <http://ruthenia.ru/sovlit/j/407.html> (дата обращения: 02.08.2019).

Кант, И. 1966. Метафизические начала естествознания. В: Кант, И., *Соч.*: в 6 т. М.: Мысль. Т. 6. С. 53–175.

Ленин, В. И. 1970. К десятилетнему юбилею «Правды». В: Ленин, В. И., *Полн. собр. соч.*: в 55 т. 5-е изд. Т. 45. М.: Изд-во полит. лит-ры. С. 173–177.

Маркс, К., Энгельс, Ф. 1955. Манифест Коммунистической партии. В: Маркс, К., Энгельс, Ф., *Соч.*: в 50 т. 2-е изд. Т. 4. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры. С. 419–459.

Мирный договор между союзными и объединившимися державами и Германией (Версальский договор): вместе со Статутом Лиги Наций, Уставом Международной Организации Труда и Протоколом: подписан в г. Версале 28 июня 1919 г. *Юридическая Россия. Федеральный правовой портал*. URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1167125&subID=100059709,100059717,100059967,100059972#text> (дата обращения: 02.08.2019).

Павлович, М. Л. 1922. Записка Дурново. Вступительная статья. *Красная новь* 6(10): 178–182. URL: <http://ruthenia.ru/sovlit/j/407.html> (дата обращения: 02.08.2019).

Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных состояний: Именной Высочайший указ 5 октября 1906 г. *Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье*. Т. 26. № 28392. Собрание узаконений. 1906. 6 октября. Отд. I. Ст. 1700. СПб.: Гос. типография. 1157 с.

Степанова, А. А. 2015. «Закат Европы» Освальда Шпенглера и литературный процесс 1920–1930-х гг. *Поэтология фаустовской культуры*. СПб.: Алетейя. 494 с.

Струве, П. Б. 1918. Исторический смысл русской революции и национальные задачи. *Из глубины. Сборник статей о русской революции*. М.; Пг.: Русская мысль. URL: <http://vehi.net/deprofundis/index.html> (дата обращения: 02.08.2019).

Шпенглер, О.

1993. *Закат Европы. Очерки морфологии мировой культуры*. Т. 1. *Геиштальт и действительность*. М.: Мысль. 663 с.

1998. *Закат Европы. Очерки морфологии мировой культуры*. Т. 2. *Всемирно-исторические перспективы*. М.: Мысль. 606 с.

Bethmann-Hollweg, Th. von. 1989. *Betrachtungen zum Weltkrieg*. Essen: Reimar Hobbing. 514 S.

Betz, A. 2012. Oswald Spenglers Untergang des Abendlandes. *Deutschlandfunk. Archiv / Essay und Diskurs* Mai 13. URL: https://www.deutschlandfunk.de/oswald-spenglers-untergang-des-abendlandes.1184.de.html?dram:article_id=185504 (дата обращения: 02.08.2019).

Farrenkopf, J. 1994. Klio und Cäsar. Spenglers Philosophie der Weltgeschichte in Dienste der Staatskunst. In Farrenkopf, J., Demandt, A. (Hrsg.), *Der Fall Spengler, eine kritische Bilanz*. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag. S. 45–46.

Friedensvertrag von Versailles [“Versailler Vertrag”]. 1919. Vom 28. Juni. URL: <http://www.documentarchiv.de/wr/vv08.html> (дата обращения: 02.08.2019).

Gottfried, D. 2013. Optimismus ist Feigheit. *Telepolis. Magazin* August 25. URL: <https://www.heise.de/tp/features/Optimismus-ist-Feigheit-3400011.html> (дата обращения: 02.08.2019).

Haxthausen, A. F. von. 1852. *Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Rußlands*. Hannover: Hahn 1847–1852. 658 S.

Meyers Hand-Lexikon des allgemeinen Wissens. 1888. Bd. 1. Leipzig: Bibliographisches Institut. 1459 S.

Mommsen, H. 1998. *Aufstieg und Untergang der Republik von Weimar 1918–1933*. Berlin: Ullstein. 742 S.

Phillips, A., archpriest. 2012. What I Could not Say at the BBC. *Orthodox England. St John's Orthodox Church, Colchester* September 24. URL: <http://orthodoxengland.org.uk/atbbc.htm> (дата обращения: 02.08.2019).

Spengler, O.

1920. *Preußentum und Sozialismus*. München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung. 99 S.

1933a. *Jahre der Entscheidung*. München: C. H. Beck. 165 S.

1933b. Neubau des deutschen Reiches. In Spengler, O., *Politische Schriften*. München: C. H. Beck. S. 187–296.